

D. THOMAS

THE SCHOOL FOR WITCHES

(excerpt)

On Cader Peak there was a school for witches where the doctor's daughter, teaching the unholy cradle and the devil's pin, had seven country girls. On Cader Peak, half ruined in an enemy weather, the house with a story held the seven girls, the cellar echoing, and a cross reversed above the entrance to the inner rooms. Here the doctor, dreaming of illness, in the centre of the tubercular hill, heard his daughter cry to the power swarming under the West roots. She invoked a particular devil, but the gehenna did not yawn under the hill, and the day and the night continued with their two departures; the cocks crew and the corn fell in the villages and yellow fields as she taught the seven girls how the lust of man, like a dead horse, stood up to her injected mixtures. She was short and fat-thighed; her cheeks were red; she had red lips and innocent eyes. But her body grew hard as she called to the black flowers under the tide of roots; when she fetched the curdlers out of the trees to bore through the cow's udders, the seven staring stared at the veins hardening in her breast; she stood uncovered, calling the devil, and the seven uncovered closed round her in a ring. Teaching them the intricate devil, she raised her arms to let him enter. Three years and a day had vanished since she first bowed to the moon, and, maddened by the mid light, dipped her hair seven times in the salt sea, and a mouse in honey. She stood, still untaken, loving the lost man; her fingers hardened on light as on the breastbone of the unentering devil.

Д.ТОМАС

ШКОЛА ВЕДЬМ

(отрывок)

Перевод О. Волгиной

На Пике Кадера был школа ведьм, где дочка лекаря, обучавшая сатанинским началам и владению иглой дьявола, собрала семь деревенских девушек. На Пике Кадера, почти разрушенном окаянном ненастьем, в доме с террасой разместились семь девушек, в подвале раздавалось эхо, а над входом во внутренние комнаты опрокинулся крест. Здесь, посреди бугорчатого холма, лекарь, которому снились недуги, услышал, как его дочь взывала к силе, накопленной под корнями западного Уэльса. Она выкликала капризного дьявола, но преисподняя не разверзлась под холмом, а день и ночь длились и уходили дважды; кричали петухи, и пшеница осыпалась в деревнях и на желтых полях, когда она объясняла семи девушкам, как вождение человека оживает, словно мертвая лошадь от влитых сатанинских снадобий. Она была невысокой, с широкими бедрами; у нее были красные губы и безгрешные глаза, а на щеках горел румянец. Но тело ее становилось крепче с каждым черным цветком, вызванным из-под прилива корней; она принесла древесное варево, чтобы пропитать коровье вымя, и вся семерка, приглядевшись, увидела, как напряглись вены у нее на груди; она стояла простоволосая, призывая дьявола, и семь простоволосых девушек сомкнулись вокруг нее кольцом.

Посвящая их в тонкости общения с дьяволом, она подняла руки, чтобы впустить его. Минуло три года и один день с тех пор, как она впервые поклонилась луне, и, обезумев от небесного света, семь раз окунула волосы в соленое море, а мышшь в мед. Она стояла, по-прежнему неуловимая, влюбленная в утраченного человека; ее

Д.ТОМАС

ШКОЛА ВЕДЬМ

(отрывок)

Перевод В.К. Ланчикова

Была на вершине Кадер Идрис школа ведьм, а в ней дочка лекаря, обучавшая окаянной люльке и чёртовой шпильке, наставляла семь девиц из деревни. Стоял на вершине Кадер Идрис дом о двух этажах и одной истории, от злой непогоды почти развалюха, а в нём – семь девиц, гулкий подвал и стремглавный крест над дверью в жилые покои. Тут, в недрах желвастого холма лекарь, весь в мечтах о хворобе, слышал, как дочь выкликает клокочущую под корнями запада силу. Она призывала какого-то беса, но геенна под холмом не разверзлась, и день да ночь по-прежнему собирались каждый в свой путь. Горланили петухи, в деревнях и в жёлтых полях осыпалось зерно, а лекарева дочка толковывала семи ученицам, что впрыски её микстур пронимают мужскую похоть, как мёртвого припарки. У дочери лекаря – толстобёдрой коротышки – были румяные щёки, алые губы, глаза смотрели невинно. Но когда она взывала к чёрным цветам под наплывом корней, тело её наливалось твёрдостью; а то сломит с дерева кислильный прут прободать коровье вымя и свёртывать молоко, а семь учениц во все глаза глядят, как набухают жилы у ней на груди. Заклиная беса, стояла она простоволосая, и, простоволосые, обступали её ученицы.

Учила их подпускать мудрёного беса: вскидывала руки и подставляла ему своё тело. Тому уж три года и день, как она в первый раз поклонилась луне и, обезумев от тусклой светлыни, седмижды окунула волосы в солёное море и мышку в мёд. И вот стоит она всё так же нетронута и по-прежнему любит канувшего, и пальцы с натугой льнут к свету, точно свет – грудная

Mrs. Price climbed up the hill, and the seven saw her. It was the first evening of the new year, the wind was motionless on Cader Peak, and a half red, promising dusk floated over the rocks. Behind the midwife the sun sank as a stone sinks in a marsh, the dark bubbled over it, and the mud sucked it down into the bubble of the bottomless fields.

In Bethlehem there is a prison for mad women, and in

Cathmarw by the parsonage trees a black girl screamed as she laboured. She was afraid to die like a cow on the straw, and to the noises of the rooks. She screamed for the doctor on Cader Peak as the tumultuous West moved in its grave. The midwife heard her. A black girl rocked in her bed. Her eyes were stones. Mrs. Price climbed up the hill, and the seven saw her.

Midwife, midwife, called the seven girls. Mrs. Price crossed herself. A chain of garlic hung at her throat. Carefully, she touched it. The seven cried aloud, and ran from the window to the inner rooms where the doctor's daughter, bent on uncovered knees, counselled the black toad, her familiar, and the divining cat slept by the wall. The familiar moved its head. The seven danced, rubbing the white wall with their thighs until the blood striped the thin symbols of fertility upon them. Hand in hand they danced among symbols, under the charts that marked the rise and fall of the Satanic seasons, and their white dresses swung around them. The owls commenced to sing, striking against the music of the suddenly awaking winter. Hand in hand the dancers spun around the black toad and the doctor's daughter, seven stags dancing, their antlers shaking, in the confusion of the unholy room.

пальцы твердели от прикосновения к свету, словно к грудной кости дьявола, который не приходил.

Миссис Прайс поднялась на холм, и вся семерка увидела ее. Это был первый вечер нового года; ветер замер на Пике Кадера; прозрачно-красные, исполненные надежды сумерки плыли над скалами. Позади повитухи тонуло солнце, словно камень в болоте, тьма чавкала над ним, и топь всасывала его в бездонные поля, исходившие пузырями.

В Вифлееме была тюрьма для умалишенных женщин, а в Катмаре возле деревьев у дома приходского священника черная девушка закричала, когда начались роды. Она боялась умереть, как корова на соломе, под гомон грачей. Она кричала и звала лекаря с Пика Кадера, а мятежное небо на западе приближалось к своей могиле. Повитуха услышала ее. Черная девушка металась на жестком ложе. Ее глаза стекленели. Миссис Прайс поднялась на холм, и вся семерка увидела ее.

Повитуха, повитуха, позвали семь девушек. Миссис Прайс перекрестилась. Нитка чеснока висела у нее на шее. Она легонько коснулась ее. Вся семерка громко вскрикнула и отпрянула от окна в глубь комнаты, где дочка лекаря, стоя на голых коленях, секретничала с черной жабой, своей подружкой, а у стены спал кот-вещун. Подружка повернула голову. Семь девушек танцевали, задевая белую стену бедрами, пока кровь не вычертила на них тонкие полоски символов плодородия. Рука об руку танцевал они среди знаков тьмы, под письменами, хранившими расцвет и увядание сатанинских времен года, и белые платья закручивались на них. Совы завели песню, перебивая мелодию внезапно пробудившейся зимы. Рука об руку танцовщицы закружились вокруг черной жабы и дочки лекаря, и пошла пляска семерых оленей, и рожки их вздрагивали в шальной чертовщине комнаты.

Это очень черная женщина, сказала миссис Прайс и поклонилась лекарю.

Он очнулся от сна, в котором врачевал недуги,

кость беса, что мешкает войти в подставленное.

Взобралась на холм миссис Прайс, и семь девиц её увидели. Стоял первый вечер нового года, ветер на Кадере застыл без движения, над утёсами реял полуалый сумрак, сулящий всякое. Солнце за спиной повитухи бултыхнулось, точно камень в трясину, заклокотала мгла, и топкая жижа втянула светило в клочок бездонных полей.

Есть в Вифлееме Бедламском тюрьма для помешанных женщин, а в Кафмауре, где роща близ священникова дома, кричала, мучаясь родами, чёрная девушка. Боялась роженица: не околеть бы, как корова на соломе, под грачий грай. И кричала она, чтобы послали на Кадер за лекарем, а неистовый запад ворочался в могиле. Повитуха и услышала крики. Мечется, мол, в постели, чёрненькая такая. И глаза у ней прямо камни. И вот миссис Прайс взобралась на холм, и семь девиц её увидели.

Эй, повитуха, окликнули ученицы. Миссис Прайс перекрестилась. На шее у неё висела связка чеснока, и повитуха, затаив дыхание, к ней прикоснулась. Девицы подняли вой и – скок от окна, да в жилые покои, а там лекарева дочка, преклонив голые колена, наставляла прислужного духа – чёрную жабу, а у стенки дремал кот-вещун. Дух крутил головой. Заплясали девицы, пустились тереться ляжками о белую стену, так что тонкие символы плодородия на них пошли кровавыми полосами. Схватившись за руки, развеяв белые платья, девицы скакали среди всяких символов, под рисунками, где означены наступление и закат каждой сатанинской поры. Да ещё не в лад с этой музыкой вдруг пробуждённой зимы разухались совы. Кружит хоровод вокруг чёрной жабы и лекаревой дочки, скачет в богомерзкой неприбранной комнате семерка оленей, трясёт рогами.

Вся из себя чёрная-пречёрная, сказала миссис Прайс и сделала лекарю книксен.

Очнувшись от грёз о болезни, лекарь слушал рассказ

She is a very black woman, said Mrs. Price, and curtsied to the doctor.

He woke to the midwife's story out of a dream of illness, remembering the broken quicked, the black patch and echo, the mutilated shadows of the seventh sense.

She lay with a black scissor-man.

He wounded her deep, said the doctor, and wiped a lancet on his sleeve.

Together they stumbled down the rocky hill.

A terror met them at the foot, the terror of the blind tapping their white sticks and the stumps of the arms on the solid darkness; two worms in the foil of a tree, bellies on the rubber sap and the glues of a wrong-grained forest, they, holding tight to hats and bags, crawled now up the path that led to the black birth. From right, from left, the cries of labour came in under the branches, piercing the dead wood, from the earth where a mole sneezed, and from the sky, out of the worms' sight.

They were not the only ones caught that night in the torrential blindness; to them, as they stumbled, the land was empty of men, and the prophets of bad weather alone walked in their neighbourhoods. Three tinkers appeared out of silence by the chapel wall. Capel Cader, said the panman. Parson is down on tinkers, said John Bucket. Cader Peak, said the scissor-man, and up they went. They passed the midwife close; she heard the scissors clacking, and the branch of a tree dram on the buckets. One, two, three, they were gone, invisibly shuffling as she hugged her skirts. Mrs. Price crossed herself for the second time that day, and touched the garlic at her throat. A vampire with a scissors was a Pembroke devil. And the black girl

услышав слова повитухи, вспомнив сломленных храбрецов, черную прореху и эхо, изувеченные тени седьмого чувства.

Она спала с черным точильщиком ножниц.

Он ранил ее глубоко, сказал лекарь и вытер ланцет о рукав. Спотыкаясь, они стали спускаться по каменистому склону холма.

У подножия их подстерегал страх, страх слепых, когда их белые трости в одеревеневших руках молотят твердь темноты; парой червей, что распластаны на корявой коре, брюхом по тягучему соку и смоле усеянного бедой леса, они, вцепившись в мешки и шляпы, ползли теперь вверх по тропе, ведущей к черному рождению. То справа, то слева родовые вопли метались под ветвями, пронзая мертвую рощу, под землей, где фыркал крот, и под самым небом, за пределами зренья червей.

Огни были не одни, кого застигла в ту ночь проливная слепота; они топтались в безлюдной пустоте округи, а заклинатели ненастья одиноко бродили неподалеку. Трое жестянщиков возникли из тишины у стены часовни. Часовой Кадера, сказал лудильщик. Священник подкарауливает жестянщиков, сказал Джон-Ведерник. Пик Кадера, сказал точильщик ножниц, и они пошли вверх, едва не задев повитуху. Она слышала, как клацали ножницы и втеки деревьев барабанили по ведрам. Один, другой, третий, считал она из шаги, подхватив свои юбки. Миссис Прайс перекрестилась второй раз за этот день и дотронулась до чеснока на шее. Вампир с ножницами был Пембрукским дьяволом. А черная девушка визжала, как свинья.

Сестра, подними правую руку. Седьмая девушка подняла правую руку. Теперь скажи, велела дочка лекаря, восстань из кудлатого ячменя. Восстань из зеленой травы, спящей в лощине мистера Грффитса. Большой человек, черный человек, сплошное око, один зуб, восстань из болот Кадера. Скажи, дьявол целует меня. Дьявол целует меня, сказала похолодевшая

повитухи, и ему вспоминались обрюхатевшие до слёз, чёрный пластырь и эхо, искорёженные тени седьмого чувства.

Она с чёрным ножничником путалась.

Глубоко же он её поранил, сказал лекарь, вытирая ланцет об рукав.

Вдвоём заковывали вниз по каменистому склону.

Внизу повстречался им ужас – ужас слепых, что постукивают белыми тросточкам и култышками рук по крепкой стене мрака, – и путники, точно два червячка в древесной проточине, приликая брюшками к каучуковому соку и клейкой живице попятного леса, ползли, цепко придерживая шляпы и сумки, по тропе, что вела к чёрному рождению. Слева, справа, пронзая мёртвый лес, залетали под ветви родильные крики, неслись из земли, где чихал крот, с небес, куда не достигал червячий взгляд.

Но не только двух путников застигла в ночи проливная слепота. Им казалось, будто в местности, по которой они ковыляли, кроме них ни души и где-то странствуют лишь пророки ненастья. Но у стены церквушки из безмолвия выступили трое бродячих мастеровых. Кадерская молежня, сказал кастрюльщик. Тутошнему священнику мастера-бродяги хуже бельма в глазу, сказал Джон Вёдер. На Кадер, сказал ножничник, и они отправились в путь. По пути едва не столкнулись они с повитухой: та услышала, как звякают ножницы, как ветви барабанят по ведрам. Отдёрнула юбки, а невидимки – один, другой, третий – прошаркали мимо. И миссис Прайс снова – сегодня второй раз – перекрестилась и прикоснулась к чесночной гирлянде на шее. Вампир с ножницами – Пембрукский бес. А чёрненькая кричит, будто её режут.

Подними, сестрица, правую руку. Седьмая ученица подняла правую руку. Теперь повтори, сказала лекарева дочка, поднимись из ячменя усатого. Поднимись из травы зелёной, из травы непробудной в лощине

Подборка опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»

<http://www.thinkaloud.ru/parallelsya.html>

<p>screamed like a pig.</p> <p>Sister, raise your right hand. The seventh girl raised her right hand. Now say, said the doctor's daughter, rise up out of the bearded barley. Rise out of the green grass asleep in Mr. Griffith's dingle. Big man, black man, all eye, one tooth, rise up out of Cader marshes. Say the devil kisses me. The devil kisses me, said the girl cold in the centre of the kitchen. Kiss me out of the bearded barley. Kiss me out of the bearded barley. The girls giggled in a circle. Swive me out of the green grass. Swive me out of the green grass. Can I put on my clothes now? said the young witch, after encountering the invisible evil.</p>	<p>девушка, застыв посреди кухни. Отними меня поцелуем у кудлатого ячменя. Отними меня поцелуем у кудлатого ячменя. Девушки стояли в кружке и посмеивались. Избавь меня от зеленой травы. Избавь меня от зеленой травы. Теперь можно взять одежду, спросила юная ведьма, изведав незримое зло.</p>	<p>мистера Гриффитса. Черное человечие, велеглазише, однозубише, поднимись из трясины Кадерской. Говори: целует меня нечистый. Целует меня нечистый, повторила ученица, ёжась от холода посреди кухни. Поцелуй меня из ячменя усатого. Поцелуй меня из ячменя усатого. Забегали по кругу девичьи смешки. Полюбись со мной из травы зелёной. Полюбись со мной из травы зелёной. Можно теперь одеться? спросила молодая ведьма, спознавшись с незримым лихом.</p>
--	--	---